

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ

Прощай, оружие!

Москва

> МАГИСТРАЛЪ >

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ

Прощай, оружие!

Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

X37

Ernest Miller Hemingway
A FAREWELL TO ARMS

Перевод с английского *Михаила Молчанова*
Литературная редакция *Юлии Каллистратовой*

Школа перевода
В. Баканова

Художественное оформление *Натальи Портняной*

Хемингуэй, Эрнест.

X37 Прощай, оружие! / Эрнест Хемингуэй ; [перевод с английского М. Молчанова]. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-206244-5

Первая мировая война. Американец Фредерик Генри добровольно служит в итальянской армии. Он лейтенант санитарной службы и войны практически не видит. Монотонные будни разнообразят посиделки с товарищами по полку, пьянки и походы в офицерский бордель. Однажды друг и сосед Фредерика по комнате, хирург Ринальди, знакомит его с медсестрами британского госпиталя. Сам он решил приударить за одной из них — англичанкой Кэтрин Баркли, но та проявляет больше симпатии к Фредерику. Кэтрин — такой же доброволец, ее жених погиб во Франции. Их с Фредериком взаимный интерес — отчасти рожденный одиночеством и душевными травмами — постепенно перерастает в любовную связь.

После ранения в результате обстрела снарядами Генри попадает в госпиталь с тяжелым ранением ноги. Его вывозят с линии фронта и доставляют в полевой госпиталь, откуда затем переправляют в Милан, где ему предстоит операция и реабилитация. В Милане Фредерика определяют в только что открывшийся американский госпиталь, в этот же госпиталь переводят и Кэтрин Баркли. Они воссоединяются с Фредериком, и оказывается, что чувства друг к другу у них самые серьезные, однако связь необходимо скрывать от окружающих.

Вернувшись на фронт, Генри становится свидетелем и участником катастрофического отступления итальянцев из Капоретто, но сбежать не получается, военная полиция задерживает его за дезертирство. Не видя иного выхода, Фредерик прыгает в воду и, скрываясь, добирается до Милана. С войной он решил покончить бесповоротно. В Милане он воссоединяется с Кэтрин, обретая недолгое счастье.

«Прощай, оружие!» — роман о любви во время войны, о желании жить и быть любимым наперекор всему.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-206244-5

© Молчанов М., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Посвящается
Г. А. Пфайфферу¹*

¹ Пфайффер Густавус Адольфус — дядя Полин Пфайффер, второй жены Хемингуэя. Активно снабжал пару деньгами, оплатив их первое сафари, а также купив им дом на острове Ки-Уэст, штат Флорида. Значительную часть работы над романом Хемингуэй выполнил в Пигготе, штат Арканзас, где жили Пфайфферы. — *Здесь и далее прим. пер.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

На исходе первого лета мы жили в деревенском домишке, который смотрел на реку, поле и горы. Русло реки усеивали галька и голыши, выбеленные и высушенные на солнце, а вода была прозрачная и быстрая и голубела в протоках. По дороге мимо домика проходили войска, и поднятая ими пыль оседала на листьях. Стволы деревьев тоже стояли припорошенные, и листопад в том году начался раньше срока, и мы смотрели, как идут солдаты, и поднимается пыль, и ветер подхватывает листья, и они кружат в воздухе, и солдаты проходят, и одни листья остаются на опустевшей белой дороге.

В поле колосился урожай, многочисленные фруктовые сады цвели, а горы за полем стояли голые и бурые. В горах шли бои, и по ночам над ними мерцали вспышки артиллерийских залпов. На фоне темного неба они напоминали летние зарницы, только жара к вечеру уже спадала и грозой не пахло.

Иногда в ночи было слышно, как под окнами гремят башмаки и тарыхтят тягачи, волокущие пушки. Ночью движение особенно оживлялось: шли мулы, навьюченные ящиками с боеприпасами, по одному на каждый бок; ехали серые грузовики с личным составом; медленно тащились грузовики с поклажей, укрытой брезентом. Большие орудия перевозили днем: длинные стволы прикрывали ветками; ветками и травой застилали и тягачи. За долиной к северу виднелась густая каштановая роща, а за ней, на

нашем берегу реки, — еще одна гора. За эту гору тоже шли бои, но безрезультатно. Осенью, когда начались дожди, каштаны совсем опали и стояли промокшие, голые и черные, как и поредевшие виноградники, и всё вокруг стало сырым, бурым и по-осеннему безжизненным. Над рекой поднимались туманы, над горами висели тучи, грузовики разбрасывали из-под колес грязь, и солдаты шагали в мокрых, запачканных плащах, с отсыревшими винтовками, а под плащами на ремнях у них висело по два кожаных патронташа, плотно набитых обоймами тонких 6,5-миллиметровых патронов, и они выпирали спереди так, будто по дороге мимо нас шагал полк беременных, месяце этак на шестом.

Шустро проносились маленькие серые автомобили, и грязи они разбрасывали даже больше, чем грузовики. Как правило, в них ехали офицеры: один сидел впереди рядом с шофером, остальные — сзади; а если между двумя генералами был зажат кто-то невысокий, так что над сиденьем виднелась только фуражка да тощая шея, и сам автомобиль несся совсем быстро, то это, скорее всего, был король. Он жил в Удине и проезжал тут почти каждый день, проверяя обстановку, а обстановка была препаршивая.

С наступлением зимы дожди зарядили без конца, и с дождями пришла холера, но ее, впрочем, быстро пресекли. В общей сложности от болезни умерло всего-навсего семь тысяч солдат.

ГЛАВА 2

Следующий год принес много побед. Была занята гора, что за долиной и холмом с каштановой рощей, и успешно прошли бои за равниной на плато к югу, и в августе мы форсировали реку и поселились в Горичии. Во дворе нашего дома был фонтан и огороженный

сад с множеством крупных раскидистых деревьев, а по стене дома вилась глициния с лиловыми цветами. Теперь бои шли на следующей горной гряде, едва ли в миле от нас. Городок был приятный, а наш дом — очень уютный. Сразу за ним протекала река, и городок почти не пострадал, когда мы в него вошли, однако занять горы никак не получалось, и оставалось радоваться, что австрийцы, видимо, планировали после войны все-таки вернуться в Горицию и обстреливали ее лишь слегка, а потому военный урон был невелик. Жизнь в городке продолжалась, здесь располагались госпитали, кафе, артиллерийские орудия в переулках, два публичных дома: один для солдат, второй для офицеров, и в конце лета — прохладные ночи, и еще бои в горах за городом, побитое снарядами железнодорожное полотно на мосту, разрушенный тоннель у реки, где был бой, деревья вокруг площади и длинная аллея, ведущая к площади, — все это, и девушки в городке, и проезжавший в своем автомобиле король, которого теперь можно было иногда разглядеть в лицо, увидеть длинную тощую шею и седую, болтающуюся, как у козла, бороденку, — все это, и вдруг просматривающиеся внутренности домов, чьи стены обрушило обстрелом, и разбросанные в садах и иногда на улицах обломки и куски известки, и военные успехи на Карсо сильно отличали эту осень от прошлой, когда мы жили в деревне. Сама война тоже изменилась.

Дубравы на горе за городом больше не было. Летом, когда мы вошли в Горицию, она еще зеленела, но теперь остались только пни, и поломанные стволы, и развороченная земля, и как-то в конце осени, когда я ходил по остаткам этой дубравы, то увидел, как на гору наплывает туча. Она двигалась очень быстро, и солнечный свет разом потускнел, а затем все стало серым, небо сплошь затянуло, и туча накрыла гору, и вдруг начался снегопад. Поднялся ветер, косо повалил снег, укрывая голую землю и оставляя лишь торчащие пни, и засыпал орудия

и окопы, от которых теперь по свежему снегу были протоптаны дорожки до нужников.

Позже в тот же день, спустившись в Горицию, я смотрел на падающий снег из окна публичного дома, который для офицеров, где сидел с приятелем, распивая на пару бутылку асти, и, глядя на медленные и крупные снежинки, мы оба понимали, что на этот год все кончилось. Горы выше по течению не заняли — никаких гор за рекой не заняли. Они остались на будущий год. Мой приятель заметил нашего полкового капеллана, который осторожно пробирался по слякоти, и постучал по стеклу, привлекая его внимание. Капеллан поднял голову и, увидев нас, улыбнулся. Приятель жестом поманил его к нам. Тот помотал головой и пошел дальше.

Вечером в столовой, после спагетти, которые все ели торопливо и сосредоточенно, поднимая на вилке так, чтобы концы отделились от тарелки и можно было опустить их в рот, или же отправляя их сразу в рот, а затем просто втягивая, и запивали вином из галлонной бутылки в соломенной оплетке, что болталась в металлической корзине, — бутылку нужно было наклонять за горлышко указательным пальцем, и вино, рубиново-красное, терпкое и ароматное, струилось в бокал, придерживаемый той же рукой, — после спагетти капитан принялся подтрунивать над капелланом.

Капеллан был юн и легко смущался. Он носил такую же форму, как и все, но на левом нагрудном кармане его серого кителя был нашит темно-красный бархатный крест. Капитан говорил на ломаном итальянском, будто бы нарочно для меня, чтобы я все понял и ничего не упустил.

— Капеллан сегодня с девочки, — сказал капитан, поглядывая то на меня, то на капеллана.

Священник заулыбался, краснея, и замотал головой. Капитан частенько над ним подтрунивал.

— Не правда? — спросил капитан. — Сегодня я вижу капеллан с девочки.

— Нет, — сказал капеллан.

Прочие офицеры весело слушали подколки.

— Капеллан не с девочки, — продолжил капитан и пояснил для меня: — Капеллан никогда с девочки.

Глядя мне в лицо, но при этом не упуская священника из виду, он наполнил мой бокал.

— Капеллан каждую ночь пять на один. — Весь стол разразился смехом. — Ты понимаешь? Пять на один!

Громко хохоча, капитан поводил в воздухе сжатым кулаком. Капеллан воспринял это благодушно, как шутку.

— Папа хочет, чтоб в войне победили австрийцы, — сказал майор. — Он любит Франца-Иосифа, оттуда и деньги. Поэтому я атеист.

— Вы читали «Черную свинью»?¹ — спросил лейтенант. — Я вам достану. Эта книга пошатнула мою веру.

— Но она мерзкая и порочная, — сказал капеллан. — Как она могла вам понравиться?

— Она весьма полезна, — сказал лейтенант. — В ней вся правда о священниках. Вам понравится, — сказал он, обращаясь ко мне.

Я улыбнулся капеллану и сквозь огонек свечи увидел ответную улыбку.

— Не читайте, — сказал он.

— Я вам ее достану, — сказал лейтенант.

— Любой мыслящий человек — атеист, — сказал майор. — Впрочем, во франкмасонов я не верю.

— А я верю, — сказал лейтенант. — Благородная организация эти франкмасоны.

Кто-то вошел, и за открывшейся дверью я увидел, что на улице идет снег.

— Больше никакого наступления не будет: снег выпал, — сказал я.

¹ «Черная свинья» (Il maiale nero) — роман итальянского писателя-сатирика Умберто Нотари, избличавшего в своих работах пороки современного общества. В этом романе Нотари критиковал нравы духовенства.

— Определенно, — сказал майор. — Вам бы в отпуск. Съездить в Рим, в Неаполь, на Сицилию...

— Нет, ему надо в Амальфи, — сказал лейтенант. — Я дам вам открыток к моим родным в Амальфи. Вас там примут как любимого сына.

— Ему надо в Палермо.

— А лучше на Капри.

— Советую вам съездить в Абруцци, погостить у моих родных в Капракотте, — сказал капеллан.

— Опять он про свое Абруцци. Да там снега больше, чем здесь. Незачем ему смотреть на крестьян. Пусть лучше посмотрит на центры культуры и цивилизации.

— Да, и девочек хороших найдет. Я подскажу, куда сходить в Неаполе. Там такие красавицы, и каждая с мамашей. Ха-ха-ха!

Капитан раскрыл ладонь и растопырил пальцы, как будто в театре теней. На стене от его руки появилась тень.

— Ты уезжать вот такой, — продолжил он на ломаном итальянском, указывая на оттопыренный вверх большой палец, — а приезжать, — он ткнул в мизинец, — вот такой.

Все захохотали.

— Смотри, — сказал капитан, снова расставляя пальцы. В отсветах свечей на стене опять возникла тень. Он стал называть пальцы по порядку: — Soto-tenente (большой), tenente (указательный), capitano (средний), maggiore (безымянный) и tenente-colonello (мизинец)¹. Ты уезжать soto-tenente, а приезжать tenente-colonello!

Новый взрыв смеха. Шутка с пальцами капитану удалась на славу. Посмотрев на капеллана, он крикнул:

— Каждая ночь капеллан пять на один!

И все захохотали еще громче.

— Берите отпуск прямо сейчас, — сказал майор.

¹ Капитан перечисляет воинские звания в итальянской армии в порядке следования: младший лейтенант, лейтенант, капитан, майор, подполковник.

- Я поеду с вами и все покажу, — сказал лейтенант.
- Будете возвращаться, захватите граммофон.
- И хороших оперных пластинок.
- Привезите Карузо.
- Не надо Карузо. Он воет.
- Сам бы так попробовал!
- Он воет, говорю. Воет!

Поднялся гомон.

— Нет, правда, съездите в Абруцци, — сказал капеллан. — Там отличная охота, и люди прекрасные. Да, холодно, но зато ясно и сухо. Вы можете остановиться у моих родных. Мой отец — известный охотник.

— Ладно, — сказал капитан. — Мы идти бордель, пока он не закрыться.

— Доброй ночи, — сказал я капеллану.

— Доброй ночи, — ответил тот.

ГЛАВА 3

Когда я вернулся на фронт, наша часть по-прежнему квартировала в Гориции. В окрестностях стало гораздо больше орудий, и наступила весна. Поля покрылись травой, и на лозах зеленели маленькие побеги, и на деревьях вдоль дороги распускались листочки, и с моря дул ветерок. Я увидел наш городок, и холм, и стоящий наверху старый замок в кольце холмов, а дальше — горы, бурые, чуть зеленеющие на склонах. В городе стало еще больше артиллерии, открылись новые госпитали, на улице можно было встретить англичан и порой даже англичанок, и еще несколько домов пострадали от обстрелов. Парило уже по-весеннему, и я шел между деревьев, чувствуя тепло от разогретой на солнце стены, и увидел, что мы занимаем все тот же дом и что с моего отъезда ничего как будто не изменилось. Дверь была открыта, на лавочке снаружи сидел под солнцем солдат, у бокового

входа ожидала санитарная машина, а внутри на меня пахнуло мраморным полом и больницей. Ничего не изменилось, только наступила весна. Я заглянул в дверь большой комнаты: главный врач сидел за столом, а в открытое окно светило солнце. Врач меня не заметил, и я не знал, нужно ли зайти и доложить о возвращении или же сначала подняться к себе и почиститься с дороги. Я решил подняться.

Комната, в которой я жил с лейтенантом Ринальди, выходила окном во двор. Окно было открыто, моя кровать была застелена, на крючке над ней висел мой противогаз в продолговатом жестяном футляре и на том же крючке — стальная каска. У изножья кровати стоял мой сундук, на его плоской крышке — мои зимние кожаные сапоги, блестящие от масла. На стене между кроватями висела моя снайперская винтовка австрийского производства с вороненым восьмиугольным стволом и аккуратным прикладом с подщечником из темного ореха. Оптический прицел для нее, насколько я помню, хранился в сундуке. Мой сосед спал на своей кровати. Услышав скрип половиц, он открыл глаза и сел.

— Ciao!¹ — сказал он. — Как прошел твой отпуск?

— Великолепно.

Мы пожали друг другу руки, и Ринальди, приобняв, поцеловал меня.

— Тьфу, — сказал я.

— Ты грязный, — сказал он. — Тебе надо помыться. Где ты был и что делал? Расскажи мне обо всем сейчас же.

— Где я только не был. В Милане, во Флоренции, в Риме, в Неаполе, в Вилла-Сан-Джованни, в Мессине, в Таормине...

— Ты будто перечисляешь железнодорожное расписание. А как насчет веселых походов?

— Походы тоже были.

¹ Привет! (*ит.*)